

Ч И Т А Й Т Е   Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы   П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й   И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы   Д А Н И Л О В О Й

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плошевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невзможность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым

Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Моиро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие почки вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья

Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество

АННА ДАНИЛОВА

Зачем ты выбираешь роль, которая убьет тебя?

УСТАВШАЯ ОТ ЛЮБВИ

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Д18 **Данилова, Анна Васильевна.**
Уставшая от любви : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-699-97514-3

Убить мужа — кто из нас не жил с этим кошмаром, с этой мечтой, с этим наваждением? Наталья могла это сделать, у нее хватает смелости самой себе признаться в этом. Недаром ее кумир — Жорж Санд, хрупкая женщина, выбравшая вместе с мужским псевдонимом стальной характер. Но разве мечта и реальность, имя и человек, роль и актер, который ее играет, всегда равны друг другу? Разыграть преступление в воображении и поплатиться за спектакль, устроенный для себя самой, — с этим Наталье предстоит справляться сразу после гибели мужа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97514-3

© Дубчак А. В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

1

Только мы с Катей знаем, как это приятно — убивать своих мужей. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Катя убила своего равнодушием и нелюбовью. Он почувствовал это, ушел от нее, женился на другой и через месяц погиб в автомобильной аварии.

Я убила первого мужа, наоборот, чрезмерной любовью. Не в силах ни в чем ему отказать, я купила ему дорогую спортивную машину, на которой он и разбился в пыль спустя — вот рок — тоже месяц.

Наши мужья похоронены рядом под большими елями в тихом месте в Подмоскowie, и мы время от времени приезжаем навестить их и выпить рюмку-другую над могилой.

— Я знала, что этим дело кончится, — сказала Катя как-то раз, когда мы поминали наших мужей. — Знала, что он долго без меня не протянет, уверена была. Но все равно вынудила его уйти. Поэтому считай, что убила.

Я улыбалась ее словам. Глупости все это. Как она могла знать, что он погибнет в аварии? Это невозможно. Просто стечение обстоятельств.

А я, покупая мужу автомобиль, просто видела, как он разгоняется, теряет контроль над собой и врежется в сосну. Так все и случилось. И была именно сосна, а не какое-то другое дерево.

— Получается, что и я убила, — ответила я, поправляя цветы в тяжелой мраморной вазе. — И знаешь, я не особенно и горевала.

— Вот-вот, — отозвалась Катя, заканчивая высаживать на могилу цветочную рассаду. Анютины глазки весело затрепетали на легком ветру.

Катя так больше замуж и не вышла, решила, что одной легче и спокойнее. Я же, на удивление всем, снова нашла мужа.

История моего замужества — это песня. Или лучше драма. Наш брак можно считать неравным по всем пунктам. Разве что мы ровесники, а так... Мой муж — известный киноактер Сергей Голт. Я обыкновенный московский ресторатор Наташа Соловей.

Мой муж Сережа так талантлив и красив, что все, кто видит нас вместе, поражаются, как этот прекрасный молодой человек (нам обоим по тридцать с небольшим) выбрал в жены меня. Я невысокая полная брюнетка с маленькой родинкой над верхней губой. Если бы вдруг случилось чудо и я стала выше и стройнее, все бы увидели роскошную женщину с густыми смоляными волосами, которую не портит даже эта родинка. Но пока я могу гордиться только натуральной грудью шестого размера, доставшейся мне от

природы нежной кожей и крепкими белоснежными зубами.

Увы, мой муж, русоволосый, зеленоглазый, очень молодо выглядящий красавец просто терпит меня рядом с собой. Думаю, все об этом догадываются. Наш союз — результат хорошо продуманного долгосрочного финансового проекта, называемого браком. Брачный договор мы не заключали, даже решили, что спать будем вместе. Остальные пункты меня вообще мало интересовали. Чтобы приглушить боль, я придумала себе, что мой муж — что-то вроде породистой собаки. Дорого, красиво, принадлежит только мне. Только я могу решать, что с ним делать — положить рядом с собой или любоваться издали.

Эта любовь, разрушившая меня, поправшая все мои принципы, сделавшая меня посмешищем в глазах людей, все еще подпитывала меня маленькими глотками счастья. Наркотического счастья, за которое я смогла бы отдать жизнь, если бы только понадобилось.

Будь я художником, я писала бы исключительно портреты моего мужа. Не знаю, каким вдохновением нужно было обладать матушке-природе, чтобы сотворить такого красавца. Главное в нем — глаза. Не просто зеленые, а светлые, прозрачные, постоянно меняющиеся — от цвета весенней листвы до оливкового, табачного, а еще темнеющие до черноты еловой хвои в пасмурный день, уходящие в темень изумрудных таежных лесов...

Волосы светло-русые, слегка волнистые, небрежно растрепанные. Аккуратный нос, губы крупной лепки. Высокий, стройный, в меру подкачанный, походка легкая, стремительная. Иногда я ловлю себя на том, что мне хочется подойти к нему, схватить за руку и увести подальше от всех, кто смотрит на него. Только я имею право так смотреть — овладевая, проникая в него.

А он... он в меня уже давно не проникает. Мы спим в одной постели, и все. Просто спим. Даже под одним одеялом, но это все равно не делает нас ближе. И я знаю почему. И от этого знания, особенно когда я все это себе представляю, у меня темнеет в глазах, и тогда я хочу одного — чтобы Сережи не было в моей жизни. Потому что это больно. Слишком больно.

Первый ресторан мне оставил отец, царство ему небесное. И капиталец был какой-никакой. И еще две квартиры, одна на Петровке, другая на Маяковке.

Ресторан был обыкновенный, с русской кухней, без особых затей. Зато место шикарное, в пяти шагах от Пушкинской площади. В советское время здесь можно было позавтракать вареным яйцом под майонезом и кашей с какао, а по вечерам набивался артистический молодежь, и на закуску шли селедка с огурцами и квашеной капустой, салат «Юбилейный», холодец, семга с икрой. И потом, когда советское время закончилось, ресторан оставался безликим. Название у

него тоже было самое обыкновенное — «Чайка». После смерти отца я стала здесь полноправной хозяйкой, но еще добрых года два продолжала кормить гостей все тем же холодцом.

В какой-то момент я поняла, что нужно придумать что-то свое, чтобы ни на кого не было похоже. Уж не знаю, как я решилась, но я изменила все, причем радикально, невероятно, невозможно! Поначалу, думаю, даже Катя с трудом сдерживала смех, слушая мои страстные до хрипоты речи. Но я ведь и вправду загорелась новым стилем ресторана не на шутку. Мы решили, что если сделать все уверенной рукой, быстро и со вкусом, то все получится. Мне хотелось шокировать всех, кто привык к старым интерьерам, хотелось потрясти своих друзей, даже если в этом был риск потерять кого-то из постоянных клиентов. Но рисковать я почему-то совершенно не боялась. Должно быть, меня успокаивала мысль, что, даже если мою идею никто не оценит, все равно народ валом повалит — место-то золотое, бриллиантовое.

Только Катя знает, что я тогда — и разве только тогда? — мнила себя Жорж Санд.

Эта удивительная женщина всегда была моим кумиром, и, читая «Лелию», я уже хотела походить на нее. Конечно, я не писатель, и к литературе меня особенно никогда не тянуло. Я восхищалась не ее романами, которые в подростковом возрасте проглатывала за ночь, меня привлекала

ее невероятная женственность в сочетании с решительностью, умением держаться на плаву, способностью окружать себя гениальными людьми. И, конечно, главное — ее способность любить. Любя мужчин, любя себя в этой любви, она любила прежде всего самую жизнь. И кроила ее под себя, как те платья, которые она шила своими нежными руками в минуты вдохновения. Она сажала цветы своей любви так же, как высаживала розы в саду. Она умела и любила многое, что позволяло ей наполнить жизнь удовольствиями. Казалось даже, что она находила горьковато-приторное удовольствие и в страданиях. А сколько энергии было в этой невероятной женщине! А как весела и беззаботна она была в окружении любовников и друзей! «Веселье — говорила Жорж Санд, — лучшая гигиена тела и души».

Мир Жорж Санд покоряет прежде всего женщин. Вот и я решила создать первый ресторан в ее честь — для моих современниц. Пусть он напоминает нам о парижских кафе того уже легендарного века. К счастью, у нас были высокие потолки, так что я смогла задекорировать воздушными овальными арками отдельные залы. Деревянные панели, покрытые позолотой, стилизованная мебель с гнутыми ножками и обитыми шелком сиденьями, мраморные вазы с живыми розами, прозрачные, с изящными рисунками перегородки между залами. Пышно, роскошно, дорого, цветочное изобилие и нарядные ткани — убранство моего первого ресторана должно было

перенести моих гостей на один вечер в прошлое. Я останавливала для них время, отменяла суету и дарила удовольствие изысканными интерьерами и меню. Этот ресторан я решила назвать «Мопра» — по имени героя одного из первых романов Жорж Санд.

— Наташа, проснись.

Я открыла глаза. Оказывается, я лежала на диванчике в гостиной в халате и в домашних тапочках, отороченных розовым пухом. Надо мной склонилась Катя. Высокая, растрепанная, тоже в халате. Лицо озабоченное, глаза воспаленные.

— Что, Катя, есть новости? — спросила я, возвращаясь в тягостную реальность. — Его нашли?

— Мишин звонил. На юге Москвы обнаружен труп мужчины примерно того же возраста и такой же, как у Сережи, комплекции. Тоже блондин. Хоть бы это был не он.

— За десять дней мы с тобой опознали уже пять трупов. Не будем терять надежды. Я хочу думать, что и это не он. И что ему делать на юге Москвы? Хотя что я такое говорю?

Десять дней назад в Интернете и в газетах впервые осторожно сказали, что пропал актер Сергей Голт. Вышел из своего театра и исчез. Поклонницы, несущие вахту у служебного входа, видели только метнувшуюся к кустам фигуру в черном плаще. Но они хором твердят, что это не мог быть Сергей. Незнакомец в плаще был на це-

люю голову ниже моего мужа и слегка прихрамывал — ничего общего с романтическим героем, скорее уж с персонажем какой-нибудь страшной сказки Гофмана.

Да и не мог Сережа выйти тайком. Он любил своих поклонниц, с радостью оставлял автографы в блокнотах и на фотографиях, а то и вовсе расписывался маркером на их плечах, руках и коленях. И цветы любил принимать, считал, что это правильно и что нельзя обижать невниманием тех, кто тебя так любит и восхищается тобой.

Но то, что он пропал, это факт. Исчез. Растворился бесследно, как туман. Словно я, очнувшись после бурной ночи, вдруг осознала, что мужа у меня и не было. Что он был плодом моего воображения, что я придумала его для себя, такого невероятно красивого, талантливого и коварного. То ли радоваться мне теперь, что все это только приснилось и любовь к нему больше не будет меня разрушать, то ли плакать, что переживания, которые были моей настоящей жизнью, оказались игрой воображения, сном.

Сколько раз я проиграла в памяти наш последний вечер.

После спектакля я заманила его домой. В последнее время он совсем отбился от рук, точь-в-точь подросток, вырвавшийся на свободу. Теперь я видела его все реже. Мои «глаза» и «уши» в театре, которым я щедро платила, все, от костюмерш до актрис, нуждающихся, но скрывающих

свою бедность, постоянно держали меня в курсе всего, что происходило с Сережей.

У него и прежде хватало любовниц, но последняя, опасная, невозможная, настоящее исчадие ада, просто приворожила его. Будь я из числа тех, кто верит в приворот, я непременно нашла бы злобную старуху, которая помогла бы опоить моего мужа этим зельем, и заставила бы ее сделать так, чтобы он на дух не выносил эту школьницу.

Я заманила Сережу таким неприличным образом, что самой стало противно. Его театр собирался на гастроли в Париж. Понимая, как захочется ему продемонстрировать коллегам нашу парижскую квартиру, я пообещала сделать все возможное и невозможное, чтобы купить ему там машину. Пусть он не только принимает друзей, но и покатает их с ветерком в собственном новеньком кабриолете.

— Наташа, ты дура? — уставилась на меня Катя, когда я рассказала ей об этом. — Или ты действительно решила его грохнуть так же, как своего Геночку?

Геночка — так звали моего первого мужа.

Катя пришла ко мне за советом. Два года назад она, финансист по образованию, открыла собственное кафе в двух шагах от театра миниатюр «Скорлупка». Работать в моих ресторанах она категорически отказывалась, считала, что

слишком велик риск раздружиться. В своем «Цахесе» — Катя отдавала предпочтение Гофману, потому и кафе назвала именем его персонажа — она занималась всем вместе с единственным родственником, племянником Юрой.

— Почему дура-то? — Я несколько не обиделась, поскольку знала, что Катя, пожалуй, единственный человек в мире, преданный мне безоговорочно. Жизнь уже столько раз испытывала мою подругу на верность, что сомнений на ее счет у меня быть не могло. Катя была умна, образованна, мы дружили с детства, и какой бы крутой бизнес-леди я ни заделалась, ее мнение для меня значило многое. Если она считала, что я дура, значит, что-то в моем плане прихрамывает.

— Геночке своему ты уже купила машину, и теперь мы с тобой на пару пьем коньяк на его могиле. Или ты забыла?

Как такое забудешь?

— И потом, ты прекрасно знаешь, кого твой Сережа будет возить на этой машине в Париже.

— И кого же? Там же вся труппа, своих друзей и будет возить. Ленка-то в Москве. Не думаю, что она полетит вместе с театром. Это невозможно, ее родители не пустят.

Ленка, она же Елена Юдина, старшеклассница, последняя любовь Сережи. Это она сделала с ним что-то такое, что он, позабыв о наших договоренностях, о приличиях, да что там, потеряв рассудок, проводил с ней все свободное время.

Он, женатый мужчина, связанный по рукам и ногам обязательствами перед женой!

Дав слово ночевать дома (исключая время гастролей и съемок), Сережа вот уже неделю как не появлялся в нашей квартире. Звонил, говорил, что у него павильонные съемки в Москве, и, кажется, не сомневался, что я ему поверю. Или ему все равно. Я даже не уверена, что он дает себе труд задуматься над тем, каково мне постоянно жить в этом обмане. Говорю же: ему все равно.

У меня, конечно, есть человек, который следит за ним и все мне докладывает. Профессионал, он знает свое дело так же хорошо, как я свое.

Это он принес фотографию моей очередной соперницы, тощей, длинноногой девицы с длинными каштановыми волосами. Совсем девчонка и наверняка тупая, раз влюбилась в актера. Разве нормальные девочки могут любить образы? А то, что эта Лена Юдина влюбилась в его экранный образ, несомненно. И это несмотря на то, что мой муж, играющий первых любовников, отлично справляется с ролями другого плана: негодяи, подлецы, убийцы, маньяки, психи... В какой из его образов влюбилась эта девочка, мне пока не ясно. Но то, что она успела насладиться телом моего мужа, — несомненно. Тому имеются доказательства — фотографии этой парочки. Мой человек забрался, думаю, на дерево, чтобы снять все то, что проделывали любовники за стеклами неизвестной мне квартиры. Не исключено,